

Я. М. Захер
« Б Е Ш Е Н Ы Е »,
их ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Французский ежегодник, 1964.
М.: Наука. 1965.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

I

Французская революция 1789-1794 гг. была революцией буржуазной. Но значит ли это, что ее единственной движущей силой была буржуазия? «Не означает ли понятие буржуазная революция, - пишет В.И. Ленин, - того, что совершить ее может только буржуазия?

На этот взгляд часто сбиваются меньшевики. Но этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное - по своему общественно-экономическому содержанию - освободительное движение не является таковым по его движущим силам. Движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство»¹.

Но если в начале XX в. В.И. Ленин, имея в виду царскую Россию, говорил как о движущих силах буржуазной революции лишь о пролетариате и крестьянстве, то само собой разумеется, что в отношении Франции конца XVIII в., когда пролетариата как сложившегося класса еще не существовало, приходится наряду с крестьянством говорить не о пролетариате, а только о «предпролетариате» или «плебейских массах». Именно так и делает Ф.Энгельс в своем письме к К. Каутскому от 21 мая 1895 г., когда упоминает про «тот предпролетариат, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях»². Еще яснее рисует роль плебейских масс в Великой французской буржуазной революции Ф. Энгельс в своем письме к тому же К.Каутскому от 20 февраля 1889 г. Говоря о трусости, проявленной крупной буржуазией уже с первых дней этой революции, Энгельс затем продолжает:

«...Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы ...начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу ...без его вмешательства 14 июля, 5-6 октября, 10 августа, 2 сентября и т.д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и ...таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»³.

Но что же представляли собою эти плебеи, которые наряду с многомиллионным крестьянством Франции XVIII в. «только и совершили революцию»? Первое, что следует сказать, отвечая на этот вопрос, это то, что, как это должно быть ясно для всякого марксиста и как это неопровержимо доказано на основе изучения конкретного исторического, преимущественно архивного, материала в ряде вышедших за последние годы работ зарубежных прогрессивных историков⁴, французские плебеи XVIII в., отнюдь не представляли собой класса. В их число наряду с предпролетариями в узком смысле этого слова, т. е. рабочими централизованных мануфактур, входили также крайне многочисленные в то время рабочие рассеянной мануфактуры, ремесленные подмастерья и ученики и даже не эксплуатировавшие чужого труда мелкие ремесленники и лавочники. Более того, поскольку в специфических условиях предреволюционных и революционных лет различным категориям наемных рабочих чаще всего приходилось страдать не только и не столько в качестве продавцов своей рабочей силы, сколько в качестве потребителей предметов первой необходимости, борьба за изобилие и дешевизну таковых сближала их даже с такими по существу своему мелкобуржуазными элементами, как мелкие торговцы и ремесленники⁵. Наконец, к числу плебейских элементов французских городов XVIII в. относились также крайне многочисленные в то время люмпен-пролетарии и низы мелкобуржуазной интеллигенции. В результате всего этого грань, отделявшая плебеев в только что описанном смысле от мелкой буржуазии и в особенности от ее низов, была крайне шаткой и условной. Ясно, что эта аморфность экономического бытия плебейских масс должна была иметь ряд весьма важных последствий и в области их общественного сознания.

Первым и важнейшим из этих следствий было то, что не представлявшие собой класса плебейские массы Франции времен революции 1789- 1794 гг. уже по этому одному не могли иметь собственной партии. И действительно: различные течения и группы, на разных этапах революции бывшие, как выражаются французы, «глашатаями» (porte-paroles) интересов плебейских масс, меньше всего могут быть названы партией в современном смысле этого слова. Сначала (в 1792-1793 гг.) это были «бешеные»; затем, после подавления «бешеных» якобинцами осенью 1793 г., представителями интересов плебейских масс (хотя и гораздо менее адекватными, нежели «бешеные») до известной степени стали эбертисты. После разгрома и этих последних весной 1794 г. остатки различных течений, в той или иной мере отражавших в свое время интересы плебейских масс и включавшие в себя преимущественно уцелевших от гильотины или тюрьмы «бешеных» и эбертистов, находились в оппозиции к якобинской диктатуре слева.

После контрреволюционного переворота 9 термидора эта плебейская оппозиция получила зачаточную форму организации в так называемом Электоральном клубе, в деятельности которого активнейшее участие принимал Бабеф. Но просуществовал он всего лишь несколько месяцев, а затем ушедшие в подполье от преследований термидорианцев остатки электоральцев и явились, по-видимому, именно той средой, из которой вышли до сих пор не обнаруженные, поименно историками не названные низовые (высшего руководства, как известно, в этих восстаниях не было)⁶ руководители жерминальского и прериальского восстаний 1795 г. А затем уже после окончательного поражения вместе с этими восстаниями и всего массового движения в Париже прошедшие через многократные фильтры якобинских и термидорианских преследований немногочисленные сохранившиеся в живых и на воле деятеля плебейских выступлений предыдущих лет вошли в состав участников бабефовского «Заговора равных». Однако, несмотря на все превосходство идейного содержания бабуизма по сравнению с движениями «бешеных», эбертистов, электоральцев и т.д., созданная Бабефом организация не имела, в отличие от ее предшественников, достаточно широкой связи с массами. Поэтому Бабеф, хотя объективно и являлся наиболее адекватным выразителем интересов плебейских масс Франции конца XVIII в., оказался не в состоянии создать массовой революционной организации. Именно в этом и заключалась основная слабость «Заговора равных».

Мы рассмотрели в самых общих и беглых чертах основные моменты, характеризующие главные этапы развития плебейского движения во Франции (или, точнее, в Париже) в годы Великой французской буржуазной революции. Но темой данной работы является история не всего плебейского движения этих лет вообще, а лишь его первого этапа - движения «бешеных». К этому мы сейчас и обратимся.

© Vive Liberta

II

Началом движения «бешеных» следует считать весну 1792 г., когда вожди этого движения Жак Ру, Варле, Леклер и Клэр Лакомб выступили на арену широкой политической деятельности. Но значит ли это, что этим моментом следует датировать и начало активности самих плебейских масс?

Ни в коем случае. Широкие выступления парижских плебейских масс начались вместе с началом революции. Больше того, вопреки утверждениям дворянской и буржуазной историографии, выдумавшей никогда не имевшую места в действительности и якобы происходившую в 1787-1788 гг. «революцию привилегированных», подлинная буржуазно-демократическая революция 1789-1794 гг. началась именно с выступления парижских плебейских масс в конце апреля 1789 г. - с так называемого «дела Ревельона»⁷. А все дальнейшие массовые движения 1789-1793 гг. в Париже вплоть до самого восстания 31 мая - 2 июня 1793 г. если, в отличие от «дела Ревельона», и не являлись выступлениями *одних только* плебейских масс, то уже во всяком случае происходили при их решающем участии. Мы уже приводили высказывания Энгельса о том, что «только плебеи» обеспечили победу революции в дни 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г. и т.д. В самые последние годы это высказывание нашло себе блестящее подтверждение в работах английского историка-марксиста Рюде, на основании материалов французских архивов изучившего социальный состав лиц, убитых или раненных во время парижских массовых движений этих лет или же привлеченных впоследствии к ответственности за участие в этих движениях. При этом оказывается, что, например, в составленном одним из видных участников событий 14 июля 1789 г. Майяром списке «победителей Бастилии» «почти все фамилии принадлежат ремесленникам, поденщикам, грузчикам, лавочникам, хозяевам мастерских и их подмастерьям; около четверти составляют фамилии наемных рабочих»⁸. Равным образом из 120 участников восстания 10 августа 1792 г., профессии коих нам известны, только двое являются буржуа и трое - представителями буржуазной интеллигенции; все остальные принадлежат к числу наемных рабочих, подмастерьев и мелких ремесленников и торговцев⁹.

Что же толкало парижских плебеев на столь активное участие в революционных событиях? Об одной из причин этого участия мы уже говорили: это стремление добиться от правительства - сначала в лице короля, а затем Национального собрания - принятия мер, необходимых для обеспечения изобилия и дешевизны хлеба. Достаточно сказать, что, по данным того же Рюде, в Париже 4-фунтовая булка, ранее стоившая 8-9 су, в феврале 1789 г. стоила уже 14 1/2 су, и цена эта сохранялась до самого конца года¹⁰. А между тем ведь именно хлеб составлял, как известно, основной предмет питания тогдашних низших классов! При таком положении вещей ясно, что плебейские массы неминуемо должны были вспомнить о мероприятиях, применявшихся в аналогичных случаях правительством старого режима, среди которых на первом месте стояли реквизиция хлеба у производителей и продажа его потребителям по твердым или «максимальным» ценам. Вот почему требование установления «максимума» уже чуть ли не с первых дней революции делается важнейшим требованием плебейских масс Франции¹¹, и именно борьба за его осуществление становится одной из важнейших причин их революционной активности.

Однако было бы глубоко ошибочным предполагать (а именно в этом пытается убедить нас большинство буржуазных историков), что все выступления плебейских масс 1789 и последующих годов были просто «голодными бунтами». В действительности не было ничего подобного, и все без исключения «дни» («*journees*») этого времени характерны как раз тем, что в них экономические лозунги теснейшим образом переплетались с лозунгами политическими. Но только - и это целиком соответствует весьма низкому уровню сознания плебейских масс начала революции - в то время, как экономические лозунги масс были их собственными, лозунги политические (по крайней мере в первые годы революции) были заимствованы ими у буржуазии. В этом отношении исключительно характерным является «дело Ревельона», когда рабочие, громившие его мануфактуру, в то же самое время кричали «Да здравствует третье сословие!», одним из членов собрания выборщиков от которого являлся тот же Ревельон! Что же касается восстания 14 июля, то, как это всем известно, ближайшим толчком к нему явилось такое чисто политическое событие, как вынужденная отставка Неккера. Больше того, иностранных наблюдателей, находившихся в это время в Париже, особенно удивляло широкое участие, которое плебейские массы приняли в движениях 30 июня и 20 августа 1789 г., вызванных такими исключительно политическими моментами, как арест начальством перешедших на сторону народа солдат французской гвардии и дискуссия в Национальном собрании о праве вето короля¹². Наконец, ближайшим поводом событий 5-6 октября 1789 г. явилось, как известно, получение в Париже сообщения о контрреволюционной демонстрации, имевшей место в Версальском дворце во время чествования офицеров Фландрского полка.

При столь полном восприятии плебейскими массами политических лозунгов буржуазии, составляющем одну из наиболее характерных черт первых лет революции, понятно, что плебейские массы не протестовали или почти не протестовали как против знаменитого закона Ле Шапелье, так и против лишившего их политических прав произведенного Конституантой разделения французских граждан на «активных» и «пассивных»¹³. Удивительно ли, что при столь низком уровне самосознания этих масс они в то время еще не могли иметь не только своей собственной партии, но даже и своих «*porte-paroles*»? Тем не менее совершенно ясно, что долгое время такое положение вещей продолжаться не могло и рано или поздно должен был наступить момент, когда плебейские массы не могли, не почувствовать не только отличия, но и прямой противоположности между их интересами и интересами буржуазии. Основную роль при этом, само собой разумеется, сыграли вопросы экономического порядка.

Мы уже говорили, что плебейские массы чуть ли не с первого дня революции стали требовать максимума, т.е. таксирования продуктов первой необходимости. Однако требование это не только прямо и непосредственно противоречило интересам крупной буржуазии, широко наживавшейся на дороговизне продуктов и связанной с ней спекуляции, но и шло вразрез со взглядами средней и мелкой буржуазии, издавна воспитанной в духе фритредерства. Поэтому, когда плебейские массы, не добившись установления максимума сверху, стали осуществлять его снизу, т.е. революционным путем¹⁴, то следствием этого явился ряд вооруженных столкновений между народом и властями, имевших место в самых различных частях Франции. При этом огромное большинство представителей буржуазии, включая жирондистов, целиком и полностью одобрили поведение как властей, так и подчиненной им национальной гвардии. То же произошло и в Париже. Когда там в конце января 1792 г. начались голодные волнения на почве недостатка сахара, то мэр столицы - видный жирондист Петион - не только посоветовал народу успокоиться и «использовать свое право петиций»¹⁵, но и пустил в ход национальную гвардию, состоявшую в то время из одних только «активных» граждан, которая «восстановила порядок» и арестовала около двух десятков человек¹⁶.

Разумеется, все эти события не могли не оказать (влияния на сознание плебейских масс и неизбежно должны были породить в их среде мысль а противоположности их интересов интересам буржуазии. «Граждане секции Гобеленов, - читаем мы в петиции этой секции Национальному Конвенту от 23 января 1792 г., - являются к вам, чтобы раскрыть страшную причину нового бича, обрушивающегося на нас со всех сторон, особенно в столице, и сильнее всего бьющего по неимущим. Разве эта драгоценная часть граждан... принесла столько жертв только для того, чтобы видеть, как ее продовольствие пожирается изменниками? Разве она вооружилась только для охраны подлых скупщиков, которые думают, что общественные силы существуют лишь для защиты их разбоя?» (Курсив наш. - Я.З.)¹⁷.

Конечно, от этих положений еще очень далеко до того, что мы называем классовым самосознанием, которое может возникнуть лишь у вполне сложившегося класса. Однако, несмотря на это, петиция секции Гобеленов; ясно показывает, насколько далеко плебейские массы Парижа ушли вперед по сравнению с тем, чем они являлись в начале революции. Теперь они уже были в состоянии выдвинуть свой авангард. Этим авангардом и явились оформившиеся к этому времени «бешеные», кстати сказать, в своих выступлениях повторявшие многое из того, о чем говорилось в только что упомянутой петиции секции Гобеленов.

III Я. М. Захер

История движения «бешеных» может быть разделена на три этапа. На первом этапе - с возникновения движения весной 1792 г. и до переворота 31 мая - 2 июня 1793 г. - основным содержанием всей деятельности «бешеных» составляет их борьба с жирондистами. На этом этапе «бешеным», хотя и не без колебаний со стороны якобинцев, в конце концов все же удалось добиться союза с этими последними. Именно этот союз оказывается важнейшей предпосылкой падения жирондистов.

На втором этапе деятельности - со 2 июня по начало сентября 1793 г. - «бешеные» требуют от своих вчерашних союзников неуклонного выполнения всех обязательств, данных ими во время совместной борьбы против жирондистов. Однако эти требования встречают резкий отпор со стороны не только представлявших интересы «новой», спекулятивной буржуазии дантонистов, но также и со стороны поддерживавших их в тот момент робеспьеристов. Но как под воздействием все возрастающего давления со стороны плебейских масс, так и под влиянием требований обороны страны от внешнего и внутреннего врага якобинцы после событий 4-5 сентября 1793 г. оказываются вынужденными частично уступить и принять многое из требований плебейских масс, сформулированных от их имени «бешеными».

Казалось бы, что наступивший вслед за этим третий этап деятельности «бешеных» должен был стать моментом их полного торжества. Но в действительности положение сложилось совсем иначе. В результате недостаточной сознательности плебейских масс якобинцам при помощи уступок удалось изолировать «бешеных» от их социальной базы и после этого сравнительно легко разгромить их. Таким образом, на этом этапе революции полностью раскрылась основная внутренняя противоречивость роли плебейских масс как основной движущей силы буржуазной революции, т.е. такой революции, во время которой, пользуясь словами Энгельса, речь могла идти только о создании полной противоположности плебейскому пониманию революционных лозунгов буржуазии¹⁸. Прямым результатом этой внутренней противоречивости был ряд характерных для последнего этапа деятельности «бешеных» серьезных срывов (речь о них будет дальше), хотя и вполне понятных при сложившемся в то время соотношении классовых сил, но вместе с тем объективно шедших во вред революции.

Теперь обратимся к первому этапу деятельности «бешеных», основное содержание которого составляла их борьба с жирондистами. Наряду с моментами чисто политического характера (нежелание жирондистов судить Людовика XVI и окончательно разделаться с побежденными 10 августа 1792 г. роялистами и фейянами; их стремление противопоставить отсталую провинцию революционному Парижу; их борьба против революционной парижской коммуны 10 августа 1792 г. и т. д.) основной причиной ненависти плебейских масс Парижа к жирондистам являлась экономическая политика последних.

Эта политика была со всей четкостью сформулирована министром внутренних дел жирондистом Роланом в его зачитанном 19 ноября 1792 г. послании Национальному Конвенту, в котором он заявлял, что «единственное, что должно себе позволить в продовольственном деле Собрание, это... ничего не предпринимать... и самым решительным образом противодействовать всякому, кто покусится на свободу (торговли. - Я.З.)»¹⁹. При таком положении вещей как самим «бешеным», так и руководимым ими плебейским массам должно было стать ясным, что, пока в Конвенте господствуют жирондисты, не

может быть речи ни об установлении максимума, ни об осуществлении других, выставленных ими в это время лозунгов: решительной борьбы со спекуляцией, применения массового революционного террора против контрреволюционеров, удалении со всех военных и гражданских должностей бывших привилегированных, ареста жен и детей эмигрантов и т.д.²⁰

Каково же было отношение к этим требованиям «бешеных» левой части Конвента, т.е. якобинцев? Что касается вопросов политического характера, то здесь они во многом сходились с «бешеными», тем более, что жирондисты уже с самого начала существования Конвента первыми начали наступление на депутатов его левого крыла - монтаньяров. Значительно сложнее, однако, обстояло дело с вопросами порядка экономического и причиной этой сложности стал самый состав якобинской «партии» (поскольку во Франции XVIII в. вообще можно говорить о партиях).

Мы видели, насколько аморфным и неоднородным был состав плебейских масс того времени. Почти то же самое можно сказать и о той мелкой буржуазии, выразителями интересов которой были, в основном, якобинцы. Не говоря уже о шаткости и нечеткости той грани, которая отделяла мелкую буржуазию от средней буржуазии, с одной стороны, и плебейских масс - с другой, и внутри мелкой буржуазии существовали различные прослойки с различными интересами. Таковыми являлись: верхушка мелкой буржуазии, постепенно перераставшая в результате спекуляции в среднюю и даже крупную «новую» буржуазию (их интересы выражали дантонисты), а также кулацкое крестьянство; крепкая мелкая буржуазия города и деревни - социальная база робеспьеристов; и, наконец, разоряющаяся городская мелкая буржуазия, интересы которой отражали левые якобинцы (их обычно, хотя и без достаточных к тому оснований, называют эбертистами), а равно и деревенская беднота.

Каково же было отношение этих различных прослоек к основной проблеме экономической политики того времени - проблеме вмешательства или невмешательства государства в свободную игру экономических сил вообще и к вопросу о максимуме в частности? Что касается дантонистов, то совершенно очевидно, что представляемые ими элементы были заинтересованы в сохранении полной свободы спекуляции, составлявшей как раз основу их обогащения. Не менее ясно, что разоряющиеся низы мелкой буржуазии, страдавшие от спекуляции едва ли меньше, чем плебейские массы, стремились, наоборот, к ее ликвидации всеми возможными способами.

Значительно сложнее было положение робеспьеристов. С одной стороны, они, как и почти вся буржуазная интеллигенция того времени, были воспитаны на идеях фритредерства²¹). К тому же представляемые ими социальные слои страдали от дороговизны и спекуляции несравненно меньше, нежели те, интересы которых выражали «бешеные» и эбертисты. Но, с другой стороны, боязнь потерять связь с массами, нужную им для борьбы с жирондистами, сочувствие к их страданиям на почве все обостряющегося недостатка в продовольствии и, главное, необходимость отпора усилившейся в это время опасности со стороны иностранной интервенции подталкивали робеспьеристов к тому, чтобы занять в отношении требования максимума позицию, несравненно более примирительную, чем позиция жирондистов. Вот почему, хотя все якобинцы в целом решительно осудили в конце февраля 1793 г. попытку ввести в Париже твердые цены революционным путем²¹, якобинцы (за исключением дантонистов, занимавших в апреле-мае 1793 г. положение, близкое к нейтралитету) скоро одумались и уже в апреле вступили в прямой союз с Коммуной и «бешеными». Подразумеваемые цели этого союза очень хорошо сформулированы Матьезом: «Коммуна и секции помогут Горе победить Жиронду, Гора же в вознаграждение за это поддержит социальную программу бешеных»²². Роль союзного договора при этом сыграла произнесенная 24 апреля 1793 г. в Национальном Конвенте речь Робеспьера, в которой он между прочим утверждал, что «право собственности ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других» и что оно «не должно угрожать безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных», в силу чего «всякая собственность, всякая торговля, нарушающие эти принципы, недопустимы и безнравственны»²³. Речь эту горячо приветствовал Бабеф.

Следствия этой политики якобинцев общеизвестны: 2 июня 1793 г. в Париже произошло восстание, в результате которого вожди жирондистов были арестованы и исключены из Конвента, а руководство в нем перешло к якобинцам. Как же они осуществили обязательства, данные во время совместной борьбы против жирондистов?

IV

Хотя жирондисты и были побеждены, но якобинцы вовсе не имели в виду со всей полнотой использовать результаты только что одержанной победы. Мы видели выше, что дантонисты с самого начала фактически саботировали борьбу против жирондистов: если они в конце концов и присоединились к ней, то лишь в самую последнюю минуту и лишь для того, чтобы свести результаты поражения своих врагов до возможнейшего при данных обстоятельствах минимума. А между тем именно дантонисты стали после 2 июня главными заправилами в Конвенте, в их же руках до первой половины июля находился и Комитет общественного спасения. Что касается робеспьеристов, то они в это время свою главную задачу видели в успокоении страны. Средство для такого успокоения, для ликвидации ряда восстаний в провинциях, вызванных жирондистами, робеспьеристы усматривали в той конституции, проект которой Конвент в необычайной спешке стал обсуждать почти сразу же после переворота 2 июня. Недаром в докладе, сделанном Конвенту 8 июля, т.е. уже после принятия конституции²⁴, Сен-Жюст подчеркивал, что эта конституция «успокоила напуганных собственников» и призывал всех французов «объединиться вокруг своей конституции»²⁵.

При таком положении вещей очевидно, что после 2 июня 1793 г. якобинцы не хотели и не могли хотеть осуществления данных ими обещаний. Вот почему изданный 4 мая 1793 г., т.е. еще при жирондистах, совершенно неудовлетворительный закон о продовольствии (так называемый первый максимум) не только не был улучшен, но и вообще почти перестал применяться на практике²⁶. Столь же мало торопились якобинцы с осуществлением и других требований секций и «бешеных».

Естественным результатом этого был переход «бешеных» в наступление против якобинцев, виднейшим проявлением которого стало выступление Жака Ру на заседании Конвента 25 июня 1793 г. с петицией от имени Клуба кордельеров и двух парижских секций: Гравилье, в которой он жил и пользовался огромной популярностью, и Бон-Нуviel. Важнейшим практическим предложением, содержащимся в этой петиции²⁷, являлось требование дополнения проекта конституции статьей, устанавливавшей смертную казнь за спекуляцию продуктами и товарами первой необходимости. Но значительно более важной, чем само это требование, была содержащаяся в петиции Жака Ру теоретическая мотивировка его правомерности:

«Свобода не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство - пустой призрак, когда богач благодаря монополиям пользуется правом жизни и смерти над себе подобными. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, платить которые три четверти граждан могут, только обливаясь слезами... В течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции... Лишь прекращением разбоя торговцев... лишь предоставлением санкулотам продовольствия вы привлечете их на сторону революции и объедините их вокруг конституционных законов»²⁸.

Оглашение петиции Жака Ру вызвало в Конвенте взрыв негодования, причины которого нетрудно понять. Если предложение «бешеных» о введении в конституцию пункта, устанавливавшего смертную казнь за спекуляцию, было непосредственно направлено лишь против той «новой» спекулятивной буржуазии, интересы которой представляли в действительности, то и робеспьеристы не могли остаться равнодушными.

Но причина негодования, вызванного в Конвенте петицией 25 июня 1793 г., заключалась не только в этом. Несмотря на низкий уровень сознания плебейских масс Франции XVIII в., они все же не могли не почувствовать²⁹ (хотя и в очень неясной форме), что конституция 1793 г. при всем своем демократизме еще далеко не та, к которой они стремились, когда устами Жака Ру 27 мая 1793 г. требовали от Конвента скорейшего принятия «республиканской конституции, по которой мы все вздыхаем»³⁰. Конечно, в исторических условиях того времени недовольство плебейских масс буржуазной ограниченностью конституции 1793 г. могло иметь еще только самый смутный характер и от требования внесения в текст этой конституции статьи, каравшей смертью за спекуляцию, было еще очень далеко до какого-либо осознанного посягательства на право одних людей эксплуатировать других. Однако приведенные нами выше фразы из петиции Жака Ру показывают, что, пусть неосознанно для него самого, в тенденции речь шла именно об этом. Якобинцы, по-видимому, это почувствовали, и именно это объясняет нам, почему в негодовании, вызванном петицией 25 июня, объединились не только дантонисты и робеспьеристы, но и эбертисты, также испугавшиеся за «священное» право собственности.

Как бы то ни было, но в ответ на петицию Жака Ру на него и других «бешеных» посыпался град репрессий³¹, источником которых явился якобинский клуб. Под его воздействием Жак Ру и Леклер были исключены из Клуба кордельеров, поведение Жака Ру было осуждено парижской коммуной, и даже сам Марат обрушился на него в своей газете со статьей, полной нападок не только на его политическую деятельность, но и на личную жизнь. Как же реагировали «бешеные» на эти преследования со стороны якобинцев?

13 июля 1793 г. от руки Шарлотты Корде пал Марат, и «бешеные», невзирая на недавние нападки покойного, сразу же решили для своей дальнейшей агитации в массах использовать огромную популярность его имени. 16 июля Жак Ру (выпустил 243-й номер (газета Марата оборвалась на 242-м номере) «Публициста Французской республики, издаваемого тенью Марата, друга народа»; 20 июля вышел первый номер «Друга народа» Леклера. В обеих этих газетах руководителя «бешеных» продолжали выдвигать уже известные нам требования: издать закон о всеобщем максимуме, установить смертную казнь за спекуляцию, применить против всех врагов революции массовый революционный террор, удалить бывших привилегированных со всех должностей в военной и гражданской администрации, взять в качестве заложников членов семей эмигрантов и т.д.

Само собой разумеется, что эта агитация «бешеных», казавшаяся якобинцам особенно опасной, поскольку она велась в момент дальнейшего обострения продовольственного положения Парижа³², должна была вызвать с их стороны новые преследования. В частности, воспользовавшись внутренней борьбой, происходившей в секции: Гравилье между сторонниками и противниками Жака Ру³³, руководимая эбертистами парижская коммуна в 20-х числах августа 1793 г. добила его ареста, но уже через несколько дней его пришлось освободить из-за полного отсутствия улик и, главное, под давлением масс. Единственным результатом этого ареста Жака Ру явилась дальнейшая активизация действий как его самого, так и выступавшего параллельно с ним Леклера.

Таким образом, подобно тому, как это было уже в феврале-марте 1793 г., в июне-августе того же года существовала опасность разрыва между якобинской мелкой буржуазией и плебейскими массами. Однако в действительности этого не произошло по причинам, которые с полной ясностью указаны в нижеследующем отрывке из письма Ф.Энгельса к В.Адлеру от 4 декабря 1889 г.:

«На всю французскую революцию огромное влияние оказывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию - это вызывает преобладание блуждающего нерва, сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис; армия коалиции должна отступить - получает преобладание симпатического нерва, сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев - предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, - вразумляют и умирляют»³⁴.

К концу лета 1793 г. так же, как и в апреле того же года, снова создалось положение, при котором «наступает революционный кризис». В то время, как угроза внутренней контрреволюции еще далеко не была устранена, войска интервентов снова глубоко вторглись во Францию. При этих условиях якобинцам, революционная энергия и патриотизм которых, несмотря на их буржуазную ограниченность, не подлежат, конечно, никакому сомнению, не оставалось ничего другого, как ради спасения революции пойти на дальнейшие уступки плебейским массам. К этому в решающий момент присоединилось и прямое давление со стороны этих масс - так называемый «плебейский натиск» 4-5 сентября 1793 г.³⁵. В результате этого якобинцам уже в том же сентябре пришлось пойти на принятие ряда мероприятий, составлявших краеугольный камень программы «бешеных». Если еще ранее, 26-27 июля, Конвент принял закон об установлении смертной казни за спекуляцию хлебом, то теперь, 29 сентября 1793 г. якобинцы осуществляют важнейшее требование плебейских масс - введение всеобщего максимума (так называемый второй максимум). Незадолго до этого, 17 сентября, Конвент издал «закон о подозрительных», проводивший в жизнь требование масс «поставить террор в порядок дня». Еще ранее, 5 сентября, был осуществлен один из главных пунктов программы, выдвинутый в сентябре «плебейским натиском» и отстаивавшийся постоянно «бешеными», пункт о создании «революционной армии», задачей которой являлась реквизиция продовольствия в деревне, а также наблюдение за правильной организацией снабжения городов вообще и Парижа в особенности. Таким образом, у постороннего наблюдателя могло создаться впечатление, что наступил момент для усиления «бешеных»; в действительности же дело обстояло как раз наоборот и приближалась минута их полного поражения и гибели. Почему же это произошло?

Мы только что видели, что осуществленные в сентябре 1793 г. мероприятия, в общей сложности составившие значительную часть того, что Маркс назвал «плебейской манерой» расправы с врагами буржуазии, были приняты якобинцами вследствие тяжелого положения, в котором оказалась в это время Французская республика и, главное, под прямым воздействием плебейских масс. Якобинцы были и оставались в этот период, по ленинскому определению, «якобинцами с народом». Однако и в это время, когда якобинцы решали величайшие задачи, поставленные революцией, они проявляли все же известную буржуазную ограниченность. Соглашаясь на все эти мероприятия, якобинцы сразу же поставили перед собой задачу - сделать невозможным повторение в будущем событий, аналогичных «плебейскому натиску» 4-5 сентября 1793 г., во время которого якобинцы едва-едва не оказались в таком же положении, как жирондисты 31 мая - 2 июня того же года.

Для осуществления этой задачи якобинцы прибегли к двум средствам. Законом 5-9 сентября парижским секциям было разрешено собираться на общие собрания лишь два раза в неделю (до этого времени эти собрания происходили ежедневно) и важнейшие исполнительные органы секций - их революционные комитеты - были подчинены парижской коммуне, которая даже получила право увольнять их членов и заменять их новыми по своему полному усмотрению. Позже по так называемому «учредительному закону» 14 фримера (4 декабря 1793 г.) эти права Коммуны были переданы Комитету общественного опасения.

Правда, одновременно с этими посягательствами на права секций якобинцы установили специальную оплату за посещение общих секционных собраний малосостоятельными гражданами, для того чтобы вознаградить их за связанную с этим потерю времени. Но эта мера имела, по-видимому, и другую цель: образовать кадры, опираясь на которые якобинцы могли создавать в нужное им время и в нужных секциях покорное их воле большинство. Не удивительно, что многие секции протестовали против этого решения, а 17 сентября 1793 г. с протестом от имени всех 48 парижских секций выступил в Конвенте не кто иной, как один из виднейших представителей «бешеных» - Варле³⁶.

Следует указать, что удовлетворение якобинцами некоторых из требований плебейских масс вызывало у них надежду на полное выполнение всей их экономической и политической программы. В действительности же, разумеется, ничего подобного не было и быть не могло. В частности, исключительно характерным для мелкобуржуазной ограниченности якобинцев было то, что, удовлетворив требование плебейских масс о введении максимума на некоторые продукты и товары первой необходимости, Конвент одновременно с этим не только не отменил закона Ле Шапелье, что отметил еще К.Маркс³⁷, но и установил максимальные размеры заработной платы, чего плебейские массы и особенно их пролетарская часть уже во всяком случае не хотели и не ожидали. И все же, несмотря на это, плебейство в этот момент и вплоть до весны 1794 г. оказывало якобинцам полную поддержку. Это позволило последним изолировать «бешеных» от тех плебейских масс, интересы которых они выражали, и легко с ними расправиться.

5 сентября 1793 г. был арестован Жак Ру, 19 сентября его участь разделил Варле; в эти же дни были начаты преследования против Леклера и Клэр Лакомб, в результате коих им пришлось отказаться от всякой политической деятельности. Как же реагировали «бешеные» на эти посыпавшиеся на них репрессии со стороны якобинцев?

Мы видели выше, что именно «бешеные» были в числе инициаторов той системы революционной диктатуры и массового революционного террора, применение которых составили впоследствии quintessence установленного якобинцами «революционного порядка управления». Высказываясь за применение этих мер, «бешеные», тем не менее, имели в виду, что применяться они будут исключительно против подлинных врагов революции из феодального и крупнобуржуазного лагеря.

Между тем события сентября 1793 г. со всей очевидностью показали, что, включив эти меры в свой тактический арсенал, якобинцы намереваются применять их не только против действительных контрреволюционеров, но также и против «бешеных». Это, естественно, вызвало самые энергичные протесты со стороны последних, и Жак Ру, например, в 264-м номере своей газеты, полностью одобряя аресты контрреволюционеров, вместе с тем указывал, что «несправедливо... арестовывать... людей, единственное преступление которых очень часто состоит в том, что они - рьяные патриоты»³⁸.

Однако, на этой правильной позиции - одобрение применения системы революционной диктатуры против контрреволюционеров и осуждения применения ее против плебейских масс - «бешеные» оставались лишь очень недолго. Отражая незрелость плебейства, «бешеные» уже очень скоро от осуждения двусторонней направленности политики якобинской диктатуры перешли к осуждению самой

идеи революционной диктатуры как таковой, что, разумеется, было грубейшей ошибкой. Продолжая и из тюрьмы издание своего «Публициста Французской республики», Жак Ру писал, что «искусство законодателя заключается не в том ...чтобы править людьми посредством страха, а в том, чтобы повелевать ими при помощи мудрости и мягкости управления»³⁹, и требовал ликвидации системы революционной диктатуры и немедленного введения в действие демократической конституции 1793 г., что при тогдашних обстоятельствах было бы, конечно, гибельным для революции. В том же духе высказывался и Леклер («Мысль о продолжении революции до тех пор, пока воюющие державы не признают нашу самостоятельность»⁴⁰, является глубоко вредной»⁴¹) и Клэр Лакомб («Не для того мы первыми приняли эту конституцию, чтобы без конца продолжались анархия и царство интриганов»⁴²).

Но особенно должна нас интересовать позиция Варле. Дело в том, что Жак Ру, привлеченный к суду Революционного трибунала, для избежания его покончил в феврале 1794 г. самоубийством, а Леклер и Клэр Лакомб вскоре после начатых против них преследований совершенно отказались от политической деятельности, что, впрочем, не спасло их от ареста весной 1794 г. Варле же, арестованный, как мы выше видели, 19 сентября 1793 г., уже 14 ноября того же года был освобожден и, таким образом, оказался единственным из руководителей «бешеных» и в дальнейшем остававшимся на исторической сцене. Вынужденный вскоре после своего освобождения временно отказаться от активной деятельности, он все же продолжал придерживаться тех же самых взглядов, которые, как мы только что видели, были характерны для Жака Ру, Леклера и Клэр Лакомб в последний период их деятельности.

Вспоминая впоследствии, уже во время термидорианской реакции, о своей позиции этого времени, Варле писал: «Я всегда был в решительной оппозиции к системе и законам революционного порядка управления... Я всегда ненавидел террористические декреты, ужасная тяжесть которых нависла над всеми... Хотя эти законы и были направлены против заговорщиков из среды дворян и духовных, я всегда считал, что республика может быть основана лишь на принципе гуманности»⁴³.

Столь характерная для «бешеных» в последний период их деятельности глубоко ошибочная позиция полного отрицания необходимости революционной диктатуры и революционного террора была целиком усвоена и создавшейся позднее весной 1794 г. из остатков разгромленных «бешеных» и вскоре затем разделивших их судьбу эбертистов⁴⁴ «плебейской оппозицией» режиму якобинской диктатуры⁴⁵. Известно, например, что видный деятель этой оппозиции Легре в разговоре, происходившем в начале термидора, требовал ликвидации системы «революционного порядка управления» и негодовал по поводу «огромного количества людей, казненных Комитетом общественного спасения»⁴⁶. Поэтому не удивительно, что требования ликвидации революционной диктатуры и террора полностью вошли в состав программы создавшегося сразу же после 9 термидора чисто плебейского по составу так называемого Электорального клуба⁴⁷. Более того, электоральцы в своем ослеплении зашли настолько далеко, что были готовы приветствовать как союзников правых термидорианцев в своей борьбе с верными якобинской программе «левыми» термидорианцами, выставившими лозунги, внешне схожие с лозунгами Электорального клуба. На этой же платформе, как известно, стоял в то время и Бабеф, называвший революционную диктатуру якобинцев «кровавым правительством, самое воспоминание о котором все друзья отечества хотели бы навеки вычеркнуть из страниц истории»⁴⁸, и восхвалявший девятое термидора⁴⁹.

Но в биографии Бабефа эта ошибочная позиция оказалась лишь кратковременным заблуждением, уже вскоре уступившим место иной, совершенно правильной оценке исторического значения революционно-демократической диктатуры якобинцев. Напротив, Варле и дальше продолжал оставаться на своих неправильных позициях, и, таким образом, в его лице последний период деятельности «бешеных» не может не быть охарактеризован как период серьезных ошибок. Однако эти ошибки сравнительно мало умаляют глубоко революционное значение деятельности «бешеных», взятой в целом и, в частности, значение сыгранной ими в свое время роли толкача якобинцев на путь «плебейских методов» революции.

То же самое следует сказать и о взглядах «бешеных». Этот вопрос мы подробно рассмотрели в другом месте⁵⁰ и поэтому возвращаться к нему не будем. Отметим лишь, что «бешеные», вплотную подойдя к грани, отделяющей их от Бабефа последнего периода его деятельности, не смогли через эту грань переступить.

«Революционное движение, - писал К.Маркс в «Святом семействе», - которое началось в 1789 г. в Cercle social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру, и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа, - движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом Бабефа, Буонаротти. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка⁵¹.

¹ В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.15, стр.205-206.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 490.

³ Там же, стр.408.

⁴ A.Soboul. Les sans-culottes parisiens. Histoire politique et sociale des sections de Paris, 2 juin-9 thermidor an II. Paris, 1958; idem. Classes et lutte des classes sous la Revolution Francaise.- «La Pensee», 1954, N 53; G.Rude. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959; idem. Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise. «La Pensee», 1953, N 48-49; idem. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791. - «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1952, N 127; idem. The motives of Popular Insurrection in Paris during the French Revolution. - «Bulletin of the Institute of Historical Research», v.XXVI, May 1953; K.Tennesson. La defaite des sans-culottes. Mouvement populaire et reaction bourgeoise en l'an III. Paris, 1959; A.Собуль. Революционные комитеты парижских секций.- «Французский ежегодник... 1958». М., 1959; W. Markow. Robespierrieten und Jacqueroutins. «Maximilien Robespierre». Berlin, 1961.

⁵ «Именно борьба за хлеб... объединяла все низшие слои парижского населения - мелких торговцев, владельцев мастерских, самостоятельных ремесленников, наемных рабочих». Это положение Рюде (см. «La Pensee», 1953, № 48-49) полностью совпадает с известным высказыванием Ф. Энгельса о связи «между большинством восстаний того времени и голодом» (К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.2, стр.588).

⁶ См.: Е. В. Т а р л е. Жерминаль и прериаль. М., 1967; К. Tennesson. Op. cit.

⁷ О нем см.: G.Rude. The Crowd in the French Revolution; С.А.Лотте. Дело Ревельона. «Французский ежегодник... 1958», М., 1959.

⁸ G. Rude. Les ouvriers parisiens dans la Revolution Franchise, p.111-112.

⁹ G. R u d e. The Crowd in the French Revolution, p. 105-106.

¹⁰ G. Rude. The Outbreak of the French Revolution. - «Past and Present», 1955, N 8, p.31,34.

¹¹ Подробнее об этом см.: А.Матъез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928, введение.

¹² См.: M.Rouff. Le peuple ouvrier de Paris aux journees du 30 juia et du 20 aout 1789. - «La Revolution Francaise», 1912, t.63.

¹³ Ср.: Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. - Сочинения, т.II, стр.142-146, 153-159.

¹⁴ См.: А. М а т ь е з. Указ. соч., стр. 42-61.

¹⁵ «Reimpression de l'ancien Moniteur», 1847, t.XI, p.1203.

¹⁶ G. R u d e. The motives of popular insurrection in Paris, p. 64-65.

¹⁷ «Archives parlementaires», 1 serie. Paris, 1875-1914, t .XXXVII, p.604.

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 408.

¹⁹ «Moniteur», t XIV, p.518.

²⁰ Эти требования были выставлены в ряде относящихся к этому времени выступлений Жака Ру, Варле, Леклера и руководимого Клэр Лакомб Клуба революционных республиканок.

²¹ Подробнее об этом см.: G.Rude. Les emeutes du 25-26 fevrier 1793 a Paris.- «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1953, N 130.

²² А.Матъез. Указ, соч., стр.137.

²³ «Moniteur», t.XVI, p.213.

²⁴ Она была принята 24 июня 1793 г.

²⁵ «Moniteur», t.XVII, p.156-157.

²⁶ Подробнее см.: А.Матъез. Указ. соч., стр.145-153.

²⁷ Текст этой петиции, сохранившийся в картоне W20 Национального архива, перепечатан Матъезом в «Annales Revolutionnaires» за 1914 г. Подробности о самой петиции см.: M.Dommanget. Jacques Roux (le cure rouge) et le Manifeste des enra ges». Paris, [s.d.]; Я.М.З а х е р. Последний период деятельности Жака Ру. - «Французский ежегодник. 1958»; он же. Жак Ру и якобинская конституция 1793. - Из истории якобинской диктатуры». Одесса, 1962.

²⁸ «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 548.

²⁹ По этому поводу современный немецкий прогрессивный историк Вальтер Марков справедливо отмечает, что «бешеные» первыми приблизительно правильно поняли или по крайней мере почувствовали буржуазную ограниченность якобинизм?» (W.Markow. Grenzen des Jakobinerstaates, S. 228)

³⁰ «Moniteur», t. XVI, p. 500.

³¹ См.: Я.М.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

³² Ср.: А.Матъез. Указ. соч., стр.197-220; A.Soboul. Les sans-culottes parisiens, p. 116-139.

³³ См.: W.Markow. Robespierriisten und Jacqueroutins; Я.М.Захер. Последний период деятельности Жака Ру.

³⁴ К. Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, стр. 414.

³⁵ Об этом см.: A. Soboul. Les sans-culottes, parisiens, p. 151-175; Р.М.Тонкова-Яковкина. Движение народных масс Парижа 4-5 сентября 1793 г. - «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.

³⁶ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p.311; подробнее об этом см.: Я.М.З а х е р. Жан Варле во время якобинской диктатуры. - «Новая и новейшая история», 1959, № 2.

³⁷ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.23, стр.752.

³⁸ «Le Publiciste de la Republique Francaise par l'Ombre de Marat», N 264, p.4.

³⁹ Ibid., N 270.

⁴⁰ Согласно закону от 10 октября 1793 г., «революционный порядок управления» должен был сохраняться до окончания войны и лишь после этого подлежала введению в действие конституция 1793 г.

⁴¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», N XVIII.

⁴² Из петиции Клуба революционных республиканок 26 августа 1798 г. - «Archives parlementaires», t.XIII, p.56-57.

⁴³ «Le citoyen Varlet, prisonnier a la Force, en reponse a ses motifs d'arrestation». Archives Nationales, F 74775.

⁴⁴ Об этом см.: A.Soboul. Les sans-culottes parisiens, p.761-872.

⁴⁵ См.: Я.М.Захер. Плебейская оппозиция в Париже перед 9 термидора. - «Новая и новейшая история», 1962, № 5.

⁴⁶ A.Mathiez. L'affaire Legray.- «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1927, p. 309-325; P.Caron. Sur l'opposition de gauche a la veille du 9 termidor. - «Annales Historiques de la Revolution Frangaise», 1947, N 108, p. 322-325.

⁴⁷ К. Те н н е с о н. Op. cit., p.52-81.

⁴⁸ «Journal de la liberte de la presse», N 5, p. 4.

⁴⁹ «Journal de la liberte de la presse», N 11, 112, 14 etc.; «Le Tribun du Peuple», N 25, 27 etc.

⁵⁰ Я.М.Захер. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предыстории социалистических идей. - «История социалистических учений». М., 1962.

⁵¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.2, стр.132.

*) Фритредерство (от англ. free trade - свободная торговля) - направление в экономической теории и практике, основанное на принципах свободной торговли и невмешательства государства в деятельность частных предпринимателей; сложилось в Великобритании в последней трети XVIII в., в 30-е гг. следующего столетия усилилось (Манчестерская школа). (По современному словарю иностранных слов) – Ред. V.L.